

Р. Р. Хисамутдинова**О. Н. Аргунов****Реализация Указа 1948 года о выселении крестьян: сравнительно-региональный анализ (на материалах Уральского региона и Курской области)**

В статье рассматриваются проблемы, связанные с реализацией Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. о выселении крестьян в тыловом Уральском регионе и освобожденной от врага Курской области. Сделан вывод, что, несмотря на единую декларируемую цель, которая ставилась перед партийно-государственными органами власти на местах — укрепление трудовой дисциплины в колхозах — и отсутствие принципиальных различий в методах проведения выселений, существовали серьезные различия между составом выселяемых в Курской области и на Урале. Авторами доказано, что применение Указа от 2 июня 1948 г. не носило массового характера ни в одном из исследованных регионов, что ставит под сомнение утвердившееся в историографии клише о «втором раскулачивании» деревни во второй половине 1940-х гг.

Ключевые слова: указ, колхозы, выселения, предупреждения, партийно-государственное руководство, Урал, Курская область.

В советской историографии значение послевоенного периода было принижено. Эти годы находились в тени Великой Отечественной войны и «хрущевской оттепели». В последние годы число работ по истории СССР послевоенного периода значительно увеличилось, но, несмотря на это, некоторые проблемы остаются недостаточно изученными, особенно в региональном разрезе. К таким малоисследованным аспектам можно отнести исполнение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни», который был принят по инициативе Н. С. Хрущева, возглавлявшего тогда компартию Украинской ССР и занимавшего наиболее жесткую позицию в отношении послевоенной деревни. Его политическое лицо во многом не совпадало тогда с имиджем будущего архитектора «оттепели».

Недоступность исследователям до начала 1990-х гг. источников по реализации секретного Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. отрицательно сказалась на общей научной картине о репрессивной политике сталинского периода. В исследованиях общесоюзного [44; 50] и регионального уровня этот указ даже не упоминался [28; 52]. Так, в работе Р. П. Толмачевой, посвященной колхозам Урала в первые послевоенные годы, говорится только, что «известную роль в налаживании производственной дисциплины в сельхозартелях сыграла борьба за выработку минимума трудодней, введенного еще до войны» [52, с. 86], и больше ничего не сказано.

В обобщающих работах, вышедших в 1980-е годы, данный Указ лишь упоминался и выселение крестьян, не отработавших необходимый минимум трудодней, преподносилось как добровольное желание большинства колхозников выселить тунеядцев и лодырей. Так, в 4-м томе «Истории советского крестьянства» Июньскому указу посвящен небольшой абзац: «Летом 1948 г. во многих колхозах, деревнях были проведены собрания, сельские сходы, на которых выносились решения с просьбой о выселении лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни. Эта мера наказания применялась довольно

© Хисамутдинова Р. Р., Аргунов О. Н., 2020

к небольшой группе людей, которая своим поведением вызвала справедливый протест колхозников» [29, с. 96].

Исследование проблемы реализации Указа в отечественной исторической науке началось только в 1990-е гг. в связи с рассекречиванием архивных документов и после публикации его текста московским историком В. П. Поповым в одном из номеров журнала «Отечественные архивы» за 1993 г. [43]. Историки стали обращаться к изучаемой проблематике, и в скором времени увидели свет работы, носящие как обобщающий [26; 27; 41; 42; 49; 51], так и региональный характер [30—32; 34; 54—58; 61]. Одним из первых эту проблему на общесоюзном уровне поднял В. Ф. Зима, который назвал реализацию данного Указа «вторым раскулачиванием» [26].

Среди региональных историков следует указать публикации Р. Р. Хисамутдиновой, которая показала реализацию данного Указа на примере отдельных областей Урала и всего региона в целом [56—58]. Исследователь считает, что «эту акцию следует рассматривать как очередную и наиболее жесткую попытку государства осуществить внеэкономическое давление на крестьянина» [58, с. 370]. Среди региональных работ можно выделить книгу В. А. Ломшина и Т. Д. Надькина, посвященную мордовской послевоенной деревне, в которой дан анализ реализации Июньского указа в Мордовской АССР [34]. Следует отметить и статью Д. Н. Конышева, который рассматривает реализацию Июньского указа на материалах Вятской губернии [32]. Оценивая влияние Указа на укрепление трудовой дисциплины, Д. Н. Конышев пишет, что «в итоге некоторые из тех, кто до Указа работал в колхозе плохо, меняли свое отношение к общественному труду — здесь проявилась функция устрашения людей возможностью попасть в список выселяемых. Указ имел скорее цель кары отдельных колхозников, а не массовых репрессий. Ситуация в деревне по сравнению с 1930-ми гг. и временем коллективизации изменилась: выселять было некого». По его мнению, «Указ от 2 июня надо рассматривать не только как устрашение, но и профилактику преступности, что может поменять некоторым образом представление исследователей о его последствиях и целях принятия. Стоит признать, что таких причин принятия Указа, как борьба с массовым невыходом на работу, не было — количество систематически уклонявшихся от работы в колхозе колебалось в пределах 3% от всего трудоспособного населения деревни. По сути, уголовное наказание применялось за образ жизни при расплывчатой формулировке “антиобщественного, паразитического образа жизни”» [32]. К вопросу реализации данной меры обращались в своих работах Е. Ю. Зубкова [27], Р. Г. Пихоя [41], Т. М. Димони и М. А. Безнин [1]. В контексте изучения статуса «спецпоселенцев» в СССР о нем упоминает В. Н. Земсков [25].

Для нас определенный интерес представляет работа профессора истории Университета Квебека (Монреаль), специалиста по социальной истории сталинской эпохи и отношениям между властью и крестьянами в советский период Ж. Левеска “Exile and discipline: The June 1948 campaign against collective farm shirkers”, посвященная данной проблеме (ниже цитируется по статье-аннотации М. М. Минца в реферативном журнале [33]). Он считает, что кампания 1948 г. заслуживает большего внимания. «Это был поистине пик административного нажима на колхозы: впервые в советской практике в качестве инструмента для повышения трудовой дисциплины были применены депортации. Подобный шаг был логичным продолжением послевоенной политики советского руководства, нацеленной на максимальное усиление административного контроля над обществом» [33, с. 110]. По его мнению, «события 1948 года продемонстрировали также пределы этой политики, поскольку принятые указы так и не привели к повышению производительности труда на селе, что продемонстрировало всю серьезность послевоенного аграрного кризиса» [там же]. Он делает вывод: «Эксперимент не был доведен до кон-

ца: в 1949 г. Москва прекратила давление на местную администрацию, которая просто свернула начавшуюся было кампанию явочным порядком, пользуясь тем, что указы 1948 года не предусматривали никакой отчетности об их исполнении (сами указы формально оставались в силе до марта 1953 г.)». Как считает ученый, «причиной столь легкого отказа от ее дальнейшего развертывания стало осознание ее абсолютной неэффективности. Возможности административного давления на деревню были исчерпаны» [33, с. 111].

Данная проблема остается актуальной и на сегодняшний день, научный интерес к ней не ослабевает, о чем свидетельствует публикация первой монографии поволжским историком О. Р. Хасяновым, посвященной исполнению Указа в Ульяновской области [54], он же затрагивает эту проблему в своей докторской диссертации [55].

При исследовании государственной политики по укреплению трудовой дисциплины в колхозах после окончания Великой Отечественной войны чрезвычайно важным остается, по нашему мнению, региональный подход, который помогает выявить как общие черты, так и региональные особенности ее исполнения на местах.

Однако и до настоящего времени исполнение Указа на местах остается малоизученным, а попыток сравнений бывших фронтовых и тыловых регионов и вовсе не делалось. В связи с этим впервые поставлена цель: провести сравнительный анализ исполнения Указа в бывшем фронтовом регионе (Курской области) и в регионах глубокого тыла (Урал). Главные задачи исследования — проведение многоаспектного, комплексного сравнения соответствующих мероприятий в колхозах и селах Курской области и регионов Урала и выявление общих черт и специфики реализации Указа.

Ряд российских исследователей, в том числе В. Ф. Зима и А. Т. Стрелков, проводят четкую параллель между исполнением Указа и репрессивной политикой советского государства в деревне, выраженной в раскулачивании, лишении избирательных прав и пр. В. Ф. Зима называет его последствия «вторым раскулачиванием» [26, с. 109]. На наш взгляд, данное сравнение вряд ли уместно, хотя нельзя отрицать и репрессивного характера Указа. При раскулачивании и исполнении Указа советским партийно-государственным руководством ставились совершенно разные задачи: во время раскулачивания — «ликвидация кулачества как класса», в то время как при реализации Указа задача была куда менее масштабной — укрепление трудовой дисциплины в колхозах, расшатанной в годы войны и в результате засухи и голода 1946—1947 гг.

В то же время исполнению Указа, как и раскулачиванию, придавалась форма свободного волеизъявления граждан: право на выселение «лиц, которые упорно не желают честно трудиться, ведут антиобщественный, паразитический образ жизни, подрывают трудовую дисциплину в сельском хозяйстве и своим пребыванием на селе угрожают благосостоянию колхоза, колхозников и их безопасности», предоставлялось общим собраниям колхозников или сходу граждан. Для вынесения приговора достаточно было большинства голосов членов колхоза или совершеннолетних жителей села или деревни. Приговоры проверялись и утверждались райисполкомами и облисполкомами Советов депутатов трудящихся, после чего вступали в законную силу. Колхозники выселялись в Сибирь на 8 лет [43, с. 37].

Кроме выселения применялась и другая мера наказания лиц, «уклоняющихся от трудовой деятельности», — предупреждение о возможной высылке. В этом случае колхознику для исправления давался двух- или трехмесячный испытательный срок с письменным обязательством исправиться и честно трудиться, выполняя обязательный минимум трудодней. В фондах регионального архива Челябинской области отложились многочисленные обязательства колхозников и колхозниц, написанные по одному и тому же шаблону, заверенные председателем колхоза и печатью, заканчивающиеся одними и теми

же словами: «Я предупреждена, что в случае нарушения мною данного обязательства я несу ответственность согласно Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г.» [38, л. 210]. Если взятые обязательства не выполнялись, то до истечения указанного срока общее собрание могло заменить предупреждение высылкой.

Обращаясь непосредственно к проблеме исполнения Указа в Курской области и в пяти областях Урала (Чкаловская (ныне Оренбургская), Челябинская, Курганская, Свердловская, Молотовская (ныне Пермская)) и двух автономных республиках (Башкирская и Удмуртская), стоит сказать о том, что партийно-государственным органам власти было известно о предстоящих выселениях еще в мае 1948 г. В облисполкомы и обкомы ВКП(б) закрытое секретное письмо ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР «О задачах партийных и советских организаций в связи с предстоящим проведением мер по выселению в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни» было разослано 25 мая [11, л. 252]. Руководители большинства обкомов и облисполкомов получили это письмо 25—27 мая, и сразу у них возникла масса вопросов, с которыми они обращались в ЦК партии и просили дать соответствующее разъяснение. Так, Чкаловский обком партии обратился с вопросами: во всех ли колхозах области зачитывать Указ; какой срок должен быть установлен с момента осуждения и до выселения. Вопросы, связанные с реализацией Указа, обсуждались и на бюро обкомов ВКП(б), однако единого механизма исполнения ни одному из исследованных обкомов создать так и не удалось [36, л. 68; 45, л. 36, 38, 39, 56, 62, 63; 59, л. 90, 95—97].

Наличие данного документа во многом объясняет быстрое начало выселений на основании Указа. Так, первые два собрания, тщательно подготовленные обкомом и облисполкомом, состоялись в колхозах Чкаловской области уже 8 июня, на них присутствовали руководители региона: первый секретарь обкома партии Г. А. Денисов и председатель облисполкома И. П. Сафронов [45, л. 67—69]. Стоит отметить, что практически все первые лица регионов Урала принимали участие в первых собраниях по реализации Указа [39, л. 28; 46, л. 47; 47, л. 49].

В Курской области готовить руководящие кадры колхозов к проведению собраний по выселению начали в начале июня 1948 г. Так, с 7 по 10 июня Тимский райком ВКП(б) провел несколько совещаний с районным партийным активом, на которых были рассмотрены проблемы неучастия некоторых колхозников в общественных работах и о мерах воздействия на них [19, л. 52—53]. Только после них в сельхозартелях стали проводить общие собрания колхозников.

На некоторых подобных совещаниях помимо непосредственного обсуждения проблем, связанных с трудовой дисциплиной в колхозах, подробно разбиралось специальное письмо, в котором указывалось, какие мероприятия нужно проводить на местах, чтобы реализация Указа от 2 июня 1948 г. была успешной. В большей степени оно предназначалось для руководящих районных работников и председателей колхозов, которым предстояло проводить данные собрания или же присутствовать на них. В письме отмечалось следующее: «...выполнение Указа не должно быть кампанией в погоне за количеством принятых приговоров о выселении. Наша задача заключается главным образом в том, чтобы убрать из колхозов злостных паразитов и тунеядцев, активизировать основную массу колхозников и добиться, чтобы все до одного члена артели ежедневно участвовали в общественном труде и выполняли нормы выработки. <...> Председатель колхоза должен иметь доклад, тщательно подготовленный. Основным содержанием доклада должен быть показ лучших, хорошо работающих колхозников и резкая персональная критика паразитов, лодырей и плохо работающих колхозников. На собрании должно выступать

значительное количество колхозников. <...> Председатель вместе с правлением обязан подготовить письменные обещания лиц, которым дается испытательный срок. Обещание должно содержать обязательства не ниже обязательств, взятых передовиками этих колхозов. <...> Представитель райкома должен разъяснять коммунистам и комсомольцам, что их задача не идти на поводу у отсталой части колхозников, а выступать с разоблачением паразитических элементов, добиться такого положения, чтобы каждый коммунист и комсомолец показал пример непримиримости к паразитическим элементам в колхозе и разжигал у беспартийных колхозников ненависть к ним — дезорганизаторам колхозного производства» [21, л. 1—2]. Эти мероприятия должны были способствовать организованному проведению колхозных собраний.

В Курской области наиболее ранний выявленный приговор схода граждан 3-го Ивановского общества Ивановского сельсовета Рыльского района о выселении датирован 12 июня 1948 г. [12, л. 1—1 об.]. В отличие от своих уральских коллег председатель Курского обкома ВКП(б) П. И. Доронин и председатель облисполкома В. В. Волчков, по имеющимся сведениям, в колхозы не выезжали.

Уже после первых собраний о выселении колхозников начали выявляться ошибки, допущенные при их проведении. Серьезным недостатком являлась практика, когда для проведения колхозного собрания в районы выезжало большое количество представителей органов власти. Так, в колхоз им. Буденного Колхозного района Челябинской области приехало сразу 10 руководящих работников и 4 работника МВД. Значительное число работников МВД, присутствующих на собрании в соответствующей им форме, имело свою отрицательную сторону. Секретарям райкомов предлагалось в дальнейшем не допускать таких ошибок [46, л. 41—42].

Собрания по выселению предписывалось проводить в тех колхозах, где трудовая дисциплина была относительно хорошей и где лишь единицы колхозников не выполняли обязательный минимум трудодней, так как была боязнь, что если проводить собрания в сельскохозяйственных артелях с плохой дисциплиной, то Указ не пройдет. Поэтому Башкирский обком партии посчитал ошибкой проведение собрания в колхозе им. Молотова Кушнаренковского района, где на 27 июля 1948 г., ко дню проведения собрания, 70% колхозников не выработали обязательного минимума трудодней. В результате «за выселение» проголосовало 15 человек из 346 присутствовавших, т.е. 4,3%, хотя собрание проводили первый секретарь райкома партии и председатель райисполкома [35, л. 236]. По мнению руководителей разного уровня, нежелательным было и участие в колхозных собраниях сельской интеллигенции [23, л. 35; 46, л. 78].

На Урале всего было проведено 993 собрания по реализации Указа, из них 837 колхозных собраний и 156 сельских сходов, в 6% колхозов (всего колхозов на Урале 17 902); в том числе в Чкаловской области 220, из них 219 колхозных собраний и 1 гражданский сход, в 10,5% колхозов (всего колхозов 2103); в Челябинской — 94, из них 60 колхозных собраний и 34 гражданских схода, в 10,6% колхозов (всего колхозов 889); в Молотовской — 183, из них 107 и 76, в 5,9% колхозов (всего 3093 колхоза); в Башкирии — 241, из них 200 и 41, в 5,5% колхозов (всего 4398 колхозов), в Удмуртии — 160 колхозных собраний, в 4,6% колхозов (всего колхозов 3514); в Свердловской — 62 колхозных собрания (всего 2135 колхозов), в 2,9% колхозов; в Курганской области — 33 колхозных собрания (всего 1770 колхозов), в 1,9% колхозов. Как свидетельствуют эти данные, больше всего колхозных собраний по применению Указа на Урале проведено в Чкаловской и Челябинской областях и меньше всего в Курганской и Свердловской. Больше всех было выслано из Башкирии (397 человек) и Удмуртии (368 человек), Молотовской (276 человек) и Чка-

ловской области — 252, меньше всего из Курганской (38 человек) (подсчитано на основе: [58, с. 546]).

Архивные источники свидетельствуют, что руководители Курганской области на все документы, требующие усиления проведения этой акции, отвечали, что у них в области таковые колхозники отсутствуют. В отличие от них республиканские руководители Удмуртской АССР продолжали выселять и в последующие годы. Можно сделать вывод, что многое в проведении этой акции зависело от местных руководителей, от их ретивого исполнения данного Указа. В Курской области на 25 августа 1948 г. собрания были проведены в 710 из 4952 колхозов, работавших на тот момент в регионе, или в 14,2% [19, л. 67].

Массовость приговоров, утверждаемых райисполкомами, привела к тому, что необходимо было вести учет высылаемых лиц. Уже 30 июня 1948 г. Курский облисполком издал секретное распоряжение № 187/с, в котором были изложены основные механизмы исполнения не только непосредственно Указа, но и сведения отчетности о числе высылаемых. При этом весьма интересным в своей интерпретации выступает последнее предложение вышеуказанного распоряжения: «Сведения должны даваться каждый раз нарастающим итогом» [4, л. 58; 11, л. 89]. Данная фраза может иметь двоякую трактовку: с одной стороны, областное руководство могло иметь в виду представление отчетности с учетом предыдущих сведений, а с другой — постоянное увеличение числа высылаемых колхозников. Какой именно смысл вкладывался в данное распоряжение — неизвестно.

Стоит обратить внимание на еще один немаловажный факт: в райисполкомы, где не спешили с утверждением общественных приговоров и высылкой людей в отдаленные края СССР, Курский облисполком направлял секретные телеграммы, в которых давались четкие указания об ускорении выселений. О данном факте свидетельствуют телеграммы секретарей Курского облисполкома Г. А. Ухмылова и В. Е. Шабанова об ускорении утверждения приговоров колхозных собраний от 19 июня и 2 августа 1948 г., направленные в Беловский и Золотухинский райисполкомы соответственно [5, л. 10; 15, л. 15].

На основании изученных первичных источников можно сделать однозначный вывод, что наибольшее число приговоров о выселении приходилось на первые три месяца после выхода Указа. Так, к сентябрю 1948 г. из Курской области было выслано 1725 человек и еще 7577 человек получили предупреждения [19, л. 69]. В отличие от Курской области по пяти областям и двум автономным республикам Урала было выслано людей меньше, чем из одной Курской области, — всего 1644 человека. За ними добровольно поехало в Сибирь 819 членов их семей, т.е. всего выехало из Уральского региона 2463 человека (подсчитано на основе: [58, с. 546]).

В Курской области, несмотря на массовость выселений, в районном разрезе они проходили неравномерно. Например, в Беловском районе на 5 июля 1948 г. было выселено 10 человек [5, л. 6а], а в Октябрьском районе за весь период исполнения Указа ссылке подверглись 19 человек [12, л. 73]. В то же время за 1948 г. из Касторенского района Курской области на основании Указа были высланы 39 человек, предупреждены 67; из Рыльского только к 10 июля того же года выслали 21 человека и предупредили 94 [7, л. 1; 11, л. 105]. Такая же пестрая картина наблюдалась в областях и автономных республиках Урала. Так, в Чкаловской области больше всего было отправлено из Бузулукского района (17 «указников» плюс 9 членов их семей, изъявивших желание добровольно поехать за ними), Зиянчурина (12 «указников» плюс 23 члена их семей) и т.д. Меньше всего было выселено из Адамовского и Белозерского районов (по 1 «указнику»), Державинского и Ново-Орского (по 2 «указника») и т.д. [56, с. 105].

Интересны данные о гендерной структуре выселяемых, которые удалось выявить при работе с документами курских архивов. Так, по информации о проведении колхоз-

ных собраний в связи с Указом, составленной на 10 и 25 августа 1948 г., были вынесены приговоры о выселении 1728 и 1829 человек соответственно (ряд приговоров позднее отменили). Из них, по данным на 10 августа, было 786 мужчин и 942 женщины, а на 25 августа — 828 мужчин и 1001 женщина [19, л. 65, 67]. Полагаем, что и для колхозов Уральского региона настоящая тенденция могла быть преобладающей.

При изучении первичных документов установлено, что в Курской области выселению подвергались не только рядовые колхозники, но и бывшие председатели колхозов, т.е. и они не были застрахованы от выселения. Об этом свидетельствует решение колхозного собрания сельскохозяйственной артели «Коминтерн» Донского сельсовета Золотухинского района от 19 июня 1948 г. о выселении бывшего председателя колхоза Т. Михаила Андреевича, который занимал этот пост с 1945 по февраль 1947 г. и был приговорен судом к году тюремного заключения за неправильную оплату трудодней и падеж скота в 1946 г., а после возвращения из тюрьмы в марте 1948 г. в колхозе не работал [16, л. 17, 22—22 об., 31, 36—36 об.].

Подобным образом поступили и с бывшим председателем колхоза «Страна Советов» (за время его председательства колхоз вышел в районные передовики и получил переходящее Красное знамя) Сергиевского сельсовета Золотухинского района Курской области Г. Алексеем Макаровичем, инвалидом Великой Отечественной войны, участником партизанского движения (служил в Орловском партизанском отряде), который в 1928 г., будучи уполномоченным по хлебозаготовкам, раскулачил отца председателя Сергиевского сельсовета И. И. Первенкова. Во время следствия по данному делу в исполком Золотухинского райсовета представлялись поддельные свидетельства о том, что Алексей Макарович во время войны якобы работал на мельнице своего тестя и никакого отношения к партизанскому движению не имел. Однако 16 февраля 1951 г. исполком райсовета вынес решение об отмене приговора [17, л. 18—28]. Таким образом, в ряде случаев Указ был прикрытием для сведения личных счетов «нового», послевоенного колхозного и советского руководства со старыми коммунистами, принимавшими участие в коллективизации и раскулачивании. В документах уральских архивов такие сведения не обнаружены.

Но в Уральском регионе выселяли не только колхозников, не выработавших необходимый минимум трудодней, но и единоличников, которые по названию Указа вроде бы не подлежали выселению. По нашим подсчетам, среди 1644 выселенных в Сибирь по Уралу 275 человек, или 16,7%, — единоличники [58, с. 525—526]. Применение Указа увеличило число единоличников, изъявивших желание вступить в колхоз.

Отметим, что, по всесоюзным данным, только за 1948 г. было выслано из колхозов 27 335 человек. Однако в последующие годы темпы выселений значительно сократились и к 1953 г. подобная практика фактически была прекращена [43, с. 38]. Данную тенденцию достаточно легко объяснить: исполнение Указа не оказало решающего влияния на улучшение трудовой дисциплины в колхозах. По-прежнему десятки тысяч колхозников не выработывали положенного минимума трудодней: из почти 700 тыс. трудоспособных колхозников Курской области в 1948 г. таких было 110 тыс. человек, или 15,7%, в то время как в 1947 г. их было 13,9% от общего числа колхозников [18, л. 202—202 об.; 20, л. 20]. Как свидетельствуют архивные документы, Указ лишь на время укрепил трудовую дисциплину и в колхозах Урала. Он показал, что только административными и репрессивными методами, без материальной заинтересованности колхозников в результатах своего труда в общественном секторе нельзя добиться желаемого эффекта.

Следует обратить внимание на то, что в 1949—1952 гг. выселения в изучаемых регионах проводились уже в значительно меньших масштабах. В колхозах Урала, за исключением Удмуртии, уже с 1949 г. редко кого выселяли. Из Удмуртии за 1949 г. к ноябрю

было выселено 48 и предупреждено 64 человека [60, л. 44, 45, 179, 181, 186—188], а за 1951 г. в Курской области не было ни одного случая применения Указа [3, л. 10]. О том, что выселения в 1949—1952 гг. проводились, но в значительно меньших масштабах, свидетельствуют и первичные документы. В некоторых районах Курской области за определенные годы не было ни одного случая применения Указа. К примеру, начиная с 1949 г. выселения не проходили в Касторенском, Октябрьском районах [7, л. 1; 10, л. 79].

В то же время продолжали проводиться колхозные собрания и приниматься общественные приговоры в Михайловском районе: так, на основании общественного приговора колхоза «Большевик» Михайловского сельсовета были высланы из Курской области Ш. Андрей Николаевич и Ш. Василий Николаевич, не выработавшие минимума трудодней за ряд лет [8, л. 97—101]. А в Глушковском районе за 1949 г. провели 4 колхозных собрания, в ходе которых вынесли 31 приговор о выселении, 13 человек были предупреждены. При этом позднее 6 приговоров исполкомом райсовета были отменены [22, л. 36]. К началу 1950-х гг. практика применения Указа в Курской области фактически была прекращена.

Однако стоит отметить, что даже при столь небольших масштабах исполнения Указа по сравнению с массовыми выселениями времен коллективизации властям не удалось избежать перегибов. Но при этом партийно-государственное руководство старалось выявить каждый подобный случай и по возможности пресечь их все.

Как видно из секретного распоряжения Курского облисполкома от 11 августа 1948 г. № 250/с [11, л. 144—145], облисполком проводил достаточно серьезный анализ поступавшей от райисполкомов информации о выселении. Так, было установлено, что в Курской области при проведении выселений во многих случаях основной причиной назывались «недостойное поведение в период немецкой оккупации (служба в полиции и сельхозуправе) и другие порочащие данные», в то время как упускались из виду ключевые аспекты — невыработка трудодней и разложение трудовой дисциплины. Например, из приговора общего собрания колхозников сельскохозяйственной артели им. Орджоникидзе Ключевского сельсовета Горшеченского района Курской области от 25 июня 1948 г. о выселении К. Марии Алексеевны следует, что ей в вину вменялось помимо невыработки минимума трудодней в течение ряда лет, самогоноварения и саботажа общественных работ еще и помощь немцам: в период оккупации она была бригадиром и собирала продукты для немецкой армии [6, л. 7]. З. Иван Федорович, колхозник сельхозартели «Большевик» Куньевского сельсовета Ястребовского района Курской области, был выслан за то, что в период Великой Отечественной войны, «находясь в рядах Советской Армии [так в документе], проявил трусость, сдался в плен, где находился с 1942 года по 1945 год» [14, л. 4]. В тыловом Уральском регионе эта причина отсутствовала. В основном колхозников выселяли за невыработку обязательного минимума трудодней и за получение нетрудовых доходов (самогоноварение, сепарирование молока колхозникам, продажа на колхозном рынке выращенных в огороде овощей).

Кроме того, неоднократно выносились приговоры о выселении нетрудоспособных граждан, которые по причине болезни не могли работать в колхозах. Так, 9 июня 1948 г. на общем собрании колхозников сельхозартели «Наркомюст» Дмитриевского сельсовета Верхнелюбавского района Курской области, на котором присутствовал 3-й секретарь Верхнелюбавского райкома ВКП(б) И. Т. Усов, был вынесен приговор о выселении К. Марии Федоровны, которая в 1946—1948 гг. не выработала установленного минимума трудодней. Прокурорской проверкой было установлено, что данная колхозница больна тяжелой формой ревматизма и не могла самостоятельно передвигаться. В ходе проверки был допрошен секретарь первичной организации ВЛКСМ колхоза, который дал следую-

щие показания: «...гр. К. Мария Федоровна ввиду своей болезни не могла участвовать в колхозных работах. О том, что она болела, мне известно на протяжении всего времени, так как, живя по соседству, я видел ее постоянно больной. Она выезжала в больницу, обжигала себя крапивой, укусами пчел. <...> Представители райкома говорили колхозникам, почему не голосуете, поднимайте руки. Из этого следует, что колхозники, зная о состоянии болезни К., голосовали без желания». О том, что голосование проходило под нажимом представителей райкома ВКП(б), говорят и другие показания свидетелей. «...Бесспорно голосовали не из-за совести, а из-за страха», — отмечал в своих показаниях один из свидетелей по данному делу [3, л. 94 об. — 95]. За данные действия И. Т. Усов был привлечен к партийной ответственности по ходатайству областной прокуратуры.

Подобных фактов достаточно много обнаружено и в уральских архивах. Имели место факты вынесения приговоров на выселение женщин, имевших по 4—5 несовершеннолетних детей, больных, инвалидов войны [35, л. 234—236; 36, л. 68; 37, л. 26—28; 46, л. 116].

Приговоры о выселении незаконно выносились и в отношении несовершеннолетних граждан. Например, на сходе граждан села Бехтеевка Корочанского района Курской области, проходившем 16 июля 1948 г. при участии секретаря райкома ВКП(б) М. Е. Кислякова, был принят приговор, утвержденный позднее райисполкомом, о выселении Ч. Марии Павловны, родившейся 22 апреля 1932 г. [2, л. 291; 11, л. 145]. Такие факты в уральских архивах не обнаружены.

Вместе с тем в том же распоряжении Курского облисполкома указывалось следующее: «При проведении данной работы необходимо не допускать выселения большого количества людей из колхозов, ибо задача состоит в том, чтобы нанести меткий удар по злостным антиколхозным паразитическим элементам...» [11, л. 145]. Нередкими были случаи, когда областные партийно-государственные органы своими решениями отменяли наиболее одиозные приговоры. Так, бюро Молотовского обкома ВКП(б) 15—16 июля 1948 г. рассмотрело вопрос «Об ошибках, допущенных в Черновском районе в проведении в жизнь Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г.», когда в двух колхозах — «Тойкино» и «За большой Урал» — на собраниях было принято решение о выселении 17 человек и предупреждении 32. В отношении четырех выселенных райисполком не утвердил решения колхозного собрания [23, л. 24, 26, 35; 24, л. 4]. Следовательно, основной упор при проведении выселений должен был делаться не на количество высылаемых, а на исключение из колхозов «мнимых колхозников, лодырей».

Помимо исполнительных органов государственной власти за исполнением Указа следили органы прокуратуры, которые с июня 1948 г. начали получать жалобы на неправильное выселение. Уже в июле прокуратура Курской области, которая к тому времени получила около 100 жалоб, провела большую проверку исполнения Указа. Фактически в итоговом докладе о результатах проверки указывались те же тенденции, что и в распоряжении Курского облисполкома от 11 августа 1948 г. № 250/с, однако прокуратурой была выявлена еще одна: когда высылаемым лицам «припоминались» или же вменялись преступления их родственников [2, л. 94]. Так, решением общего собрания граждан от 19 июля 1948 г. была незаконно выселена находящаяся на шестом месяце беременности В. Мария Васильевна, жительница с. Жигаево Коньшевского района Курской области, в связи с тем, что на ее брата С. Дмитрия Васильевича было заведено уголовное дело по части 1-й ст. 58-10 УК РСФСР, которое в скором времени было прекращено. С места поселения ей разрешили вернуться только в ноябре 1948 г. Похожий случай имел место и во время проведения общего собрания колхозников сельхозартели имени Чапаева Верхнеапачевского сельсовета Советского района Курской области 5 июля 1948 г. По причине

того, что отец В. Марии Васильевны якобы был предателем и выдавал немцам во время Великой Отечественной войны коммунистов, она была выслана за пределы области, в то время как отец продолжал работать в колхозе, и кого именно он выдал, в приговоре указано не было [2, л. 293—294].

Как свидетельствуют изученные документы, нередко неправильные приговоры о выселении принимались на тех собраниях колхозников, в которых участвовали первые секретари райкомов ВКП(б). Так, 19 июля 1948 г. Указ был применен по отношению к Ч. Федору Степановичу, который после демобилизации из рядов Советской Армии в 1946 г. работал в колхозе имени Буденного Яблоновского сельсовета Корочанского района Курской области, а с 1 февраля 1948 г. трудился завхозом в Яблоновской неполной средней школе. В общем собрании колхозников, вынесшем неправильное решение, принимал участие первый секретарь Корочанского райкома ВКП(б) Д. Д. Беспарточный [2, л. 291].

В ряде случаев прокуратура настаивала на отмене незаконно принятых решений, тем самым спасая невинных от ссылки, как это было в Молотовской области, где в короткий промежуток времени (конец лета 1948 г.) по ходатайствам прокуратуры были отменены 11 приговоров [23, л. 37, 48].

Когда «волна» приговоров лета 1948 г. пошла на убыль, партийно-государственное руководство стало тщательнее разбирать каждый выявленный случай незаконного выселения. В итоге только по Уральскому региону к февралю 1949 г. было отменено свыше 160 приговоров [47, л. 110, 138; 48, л. 97; 40, л. 51; 35, л. 234; 23, л. 56]. А в Курской области уже к началу осени 1948 г. было отменено 246 приговоров, или 13,4% от общего их количества [19, л. 67].

Несколько слов стоит сказать о возвращенцах, которые или добились отмены своих приговоров, или полностью отбыли наказание. Основная масса возвращений приходилась на период после 1953 г. Вернуться в родные села высланные имели право только с разрешения райисполкомов и только в том случае, если с их места работы поступали положительные характеристики и односельчане были согласны принять возвращенца, о чем свидетельствуют соответствующие документы, выявленные при работе с архивными материалами [13, л. 286—289].

Говоря о последствиях претворения в жизнь Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г., нельзя не обратить внимания на то, что большинство историков отмечают только негативный характер его последствий, рассматривая применение Указа как новый виток сталинских репрессий против крестьянства. Мы отчасти разделяем данную позицию, так как, действительно, приведенные в настоящем исследовании факты говорят о жестком административно-командном исполнении данного Указа, в ряде случаев без оглядки на реальное положение дел.

Таким образом, на основе изучения, анализа и сравнения первичных архивных документов по реализации Указа от 2 июня 1948 г. на Урале и в Курской области, можно сделать вывод о том, что данный Указ в определенной мере стал следствием войны, имел явный административно-дисциплинарный характер, направленный на укрепление трудовой дисциплины в колхозах из-за нехватки рабочих рук, уничтоженных войной. Указ проводился в жизнь в небольшой части колхозов, т.е. носил точечный характер, так как многие опрошенные колхозники, жившие в то время, даже не слышали о выселении односельчан. Он в большей степени носил предупредительный, нежели репрессивный характер. Число предупрежденных превосходило число высланных по Курской области в 4,4 раза, по Уралу — в 1,9 раза. Исполнение Указа в Курской области и в регионах Урала имело как общие, так и определенные специфические черты, характерные только для

окупированных областей (в Курской области вменялось в вину пособничество немцам). Указ не предусматривал ликвидацию хозяйства выселяемого и не лишал его избирательных прав, что делает сравнение его исполнения с раскулачиванием некорректным не только с точки зрения терминологии, но и здравого смысла.

Список использованных источников и литературы

1. Безнин М. А., Димони Т. М. Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х — 1960-е гг.) // Отечественная история. 1999. № 3. С. 81—99.
2. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-369. Оп. 3. Д. 13.
3. ГАКО. Ф. Р-369. Оп. 3. Д. 53.
4. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 10. Д. 143.
5. ГАКО. Ф. Р-3913. Оп. 2. Д. 1.
6. ГАКО. Ф. Р-3922. Оп. 2. Д. 4.
7. ГАКО. Ф. Р-3929. Оп. 3. Д. 45.
8. ГАКО. Ф. Р-3934. Оп. 3. Д. 37.
9. ГАКО. Ф. Р-3938. Оп. 2. Д. 8.
10. ГАКО. Ф. Р-3938. Оп. 2. Д. 9.
11. ГАКО. Ф. Р-3941. Оп. 2. Д. 19.
12. ГАКО. Ф. Р-3941. Оп. 3. Д. 42.
13. ГАКО. Ф. Р-3947. Оп. 3. Д. 87.
14. ГАКО. Ф. Р-3958. Оп. 3. Д. 29.
15. ГАКО. Ф. Р-4272. Оп. 2. Д. 6.
16. ГАКО. Ф. Р-4272. Оп. 3. Д. 70.
17. ГАКО. Ф. Р-4272. Оп. 3. Д. 76.
18. ГАКО. Ф. Р-5006. Оп. 17. Д. 1.
19. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. П-1. Оп. 2. Д. 773.
20. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 1171.
21. ГАОПИКО. Ф. П-37. Оп. 1. Д. 334.
22. ГАОПИКО. Ф. П-69. Оп. 1. Д. 972.
23. Государственный общественно-политический архив Пермской области (ГОПАПО). Ф. 105. Оп. 14. Д. 134.
24. ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 57.
25. Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930—1960. М. : Наука, 2005. 304 с.
26. Зима В. Ф. «Второе раскулачивание» (Аграрная политика конца 40-х — начала 50-х годов) // Отечественная история. 1994. № 3. С. 109—125.
27. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945—1953. М. : РОССПЭН, 2000. 229 с.
28. Илишев Г. Ш. Башкирская деревня в первые послевоенные годы, 1946—1950. Уфа : Башк. кн. изд-во, 1988. 163 с.
29. История советского крестьянства : в 5 т. Т. 4. М. : Наука, 1988. 499 с.
30. Кодинцев А. Я. Уголовное судопроизводство в СССР в годы войны // История государства и права. 2012. № 16. С. 42—46.
31. Козлов С. С. О некоторых особенностях правового обеспечения аграрных реформ в послевоенный период в СССР // История государства и права. 2009. № 16. С. 36—40.
32. Коньшев Д. Н. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. и его реализация (на примере Вятской деревни) // История государства и права. 2014. № 19. С. 44—49.
33. Левеск Ж. Изгнание и дисциплина: июньская кампания 1948 г. против уклоняющихся от работы в колхозах. [Lévesque J. Exile and discipline: The June 1948 campaign against collective farm shirkers. Pittsburgh: Carl Beck Papers, 2006. 51 p.] : статья-аннотация / М. М. Минц // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5, История. Реферативный журнал. М., 2008. № 3. С. 109—112.

34. Ломшин В. А., Надькин Т. Д. Деревня Мордовии в послевоенные годы. Саранск : Респ. тип. «Красный Октябрь», 2006. 116 с.
35. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. 122. Оп. 28. Д. 22.
36. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-288. Оп. 12. Д. 162.
37. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 12. Д. 164.
38. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 12. Д. 166.
39. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 12. Д. 194.
40. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 12. Д. 201.
41. Пихоя Р. Г. Под знаком Сталина. М. : Русь-Олимп ; СПб. : Питер, 2009. 254 с. (СССР. История великой империи).
42. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945—1953 / сост. О. В. Хлевнюк [и др.]. М. : Росспэн, 2002. 654 с. (Документы советской истории).
43. Попов В. П. Неизвестная инициатива Хрущева (о подготовке указа 1948 г. о выселении крестьян) // Отечественные архивы. 1993. № 2. С. 31—38.
44. Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946—1970 гг.) : сб. статей / ред. кол.: И. М. Волков (отв. ред.) [и др.] ; АН СССР, Ин-т истории СССР. М. : Наука, 1972. 384 с.
45. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 122. Д. 314.
46. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 315.
47. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 138. Д. 40.
48. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 138. Д. 129.
49. Рогалина Н. Л. Власть и аграрные реформы в России XX в. : учеб. пособие. М. : Энциклопедия российских деревень, 2010. 230 с.
50. Советская деревня в первые послевоенные годы, 1946—1950. М. : Наука, 1978. 511 с.
51. Стрелков А. Т. Социальная аномалия в курской деревне (1943—1950 гг.). «Второе раскулачивание» // События и люди в документах курских архивов. 2003. Вып. 2. С. 8—16.
52. Толмачева Р. П. Колхозы Урала в первые послевоенные годы (1946—1950 гг.). Томск : Изд-во Томского ун-та, 1979. 220 с.
53. Хасянов О. Р. Практика реализации Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. в поволжской деревне // Успехи современной науки. 2015. № 2. С. 6—10.
54. Хасянов О. Р. «...Их надо выгнать из села вместе с их семьями...»: практика реализации Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. в Ульяновской области в документах государственных архивов. Ульяновск, 2015. 256 с.
55. Хасянов О. Р. Повседневная жизнь советского крестьянства в послевоенное время. 1945—1953 гг. (на материалах Куйбышевской и Ульяновской областей) : дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2017. 459 с.
56. Хисамутдинова Р. Р. Выполнение Указа Президиума Верховного Совета СССР «О выселении лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в колхозах и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни» от 2 июня 1948 г. в Чкаловской области // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 1998. № 2 (8). С. 98—106.
57. Хисамутдинова Р. Р. Антикрестьянская сущность Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. и его осуществление на Урале // Вестник Оренбургского государственного университета. 2002. № 8. С. 56—62.
58. Хисамутдинова Р. Р. Аграрная политика Советского государства на Урале после окончания Великой Отечественной войны (июнь 1945 — март 1953 г.). Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2003. 608 с.
59. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 44. Д. 234.
60. Центральный государственный архив Удмуртской республики. Ф. Р-551. Оп. 1. Д. 88.
61. Чайка Е. А. Реализация Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 года «О выселении лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в колхозах и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни» в Ростовской области // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 5. С. 204—207.
62. Чернолуцкая Е. Н. «Указники» на Дальнем Востоке (принудительное выселение крестьян из колхозов в 1948—1950 гг.) // Вестник Дальневосточного отделения РАН. 2007. № 3. С. 102—109.

Поступила в редакцию 08.01.2020

Хисамутдинова Равиля Рахмяновна, доктор исторических наук, профессор
Оренбургский государственный педагогический университет
Российская Федерация, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: hisamutdinova@inbox.ru

Аргунов Олег Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Государственный архив Курской области
Российская Федерация, 305000, г. Курск, ул. Ленина, 57
E-mail: argunovoleg-poet@mail.ru

UDC 94(470.323+470.5)“194”

R. R. Khisamutdinova

O. N. Argunov

Implementation of the 1948 Decree on the eviction of peasants: a comparative regional analysis (based on materials from the Ural region and Kursk region)

The article discusses the problems associated with the implementation of the Decree of the Presidium of the Supreme Council of the USSR of June 2, 1948 on the eviction of peasants in the rear of the Ural region and the Kursk region freed from the enemy. It was concluded that, despite the unified declared goal that was set before the party-state authorities on the ground — to strengthen labor discipline on collective farms — and the absence of fundamental differences in the methods of conducting evictions, there were serious differences between the composition of those evicted in the Kursk region and the Urals. The authors proved that the application of the Decree of June 2, 1948 was not widespread in any of the studied regions, which casts doubt on the cliché established in historiography about the “second dispossession” of the village in the second half of the 1940s.

Key words: decree, collective farms, eviction, agriculture, party-state leadership, Ural, Kursk region.

Khisamutdinova Ravilya Rahimyanovna, Doctor of Historical Sciences, Professor
Orenburg State Pedagogical University
Russian Federation, 460014, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: hisamutdinova@inbox.ru

Argunov Oleg Nikolaevich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher
State Archive of Kursk Region
Russian Federation, 305000, Kursk, ul. Lenina, 57
E-mail: argunovoleg-poet@mail.ru

References

1. Beznin M. A., Dimoni T. M. Sotsial'nyi protest kolxoznogo krest'yanstva (vtoraya polovina 1940-kh — 1960-e gg.) [Social protest of the collective farm peasantry (second half of the 1940s — 1960s)]. *Otechestvennaya istoriya*, 1999, no. 3, pp. 81—99. (In Russian)
2. *Gosudarstvennyi arkhiv Kurskoi oblasti* [State Archive of Kursk Region] (GAKO). F. R-369. Op. 3. D. 13.
3. GAKO. F. R-369. Op. 3. D. 53.
4. GAKO. F. R-3322. Op. 10. D. 143.
5. GAKO. F. R-3913. Op. 2. D. 1.
6. GAKO. F. R-3922. Op. 2. D. 4.
7. GAKO. F. R-3929. Op. 3. D. 45.
8. GAKO. F. R-3934. Op. 3. D. 37.
9. GAKO. F. R-3938. Op. 2. D. 8.
10. GAKO. F. R-3938. Op. 2. D. 9.
11. GAKO. F. R-3941. Op. 2. D. 19.
12. GAKO. F. R-3941. Op. 3. D. 42.

13. GAKO. F. R-3947. Op. 3. D. 87.
14. GAKO. F. R-3958. Op. 3. D. 29.
15. GAKO. F. R-4272. Op. 2. D. 6.
16. GAKO. F. R-4272. Op. 3. D. 70.
17. GAKO. F. R-4272. Op. 3. D. 76.
18. GAKO. F. R-5006. Op. 17. D. 1.
19. *Gosudarstvennyi arkhiv obshchestvenno-politicheskoi istorii Kurskoi oblasti* [State Archive of the Socio-Political History of the Kursk Region] (GAOPIKO). F. P-1. Op. 2. D. 773.
20. GAOPIKO. F. P-1. Op. 2. D. 1171.
21. GAOPIKO. F. P-37. Op. 1. D. 334.
22. GAOPIKO. F. P-69. Op. 1. D. 972.
23. *Gosudarstvennyi obshchestvenno-politicheskii arkhiv Permskoi oblasti* [State Socio-Political Archive of the Perm Region] (GOPAPO). F. 105. Op. 14. D. 134.
24. GOPAPO. F. 105. Op. 14. D. 57.
25. Zemskov V. N. *Spetsposeletsy v SSSR. 1930—1960* [Special settlers in the USSR. 1930—1960]. Moscow, Nauka Publ., 2005. 304 p. (In Russian)
26. Zima V. F. “Vtoroe raskulachivanie” (Agrarnaya politika kontsa 40-kh — nachala 50-kh godov) [“Second dispossession” (Agrarian policy of the late 40s — early 50s)]. *Otechestvennaya istoriya*, 1994, no. 3, pp. 109—125. (In Russian)
27. Zubkova E. Yu. *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost'. 1945—1953* [Post-war Soviet society: politics and everyday life. 1945—1953]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000. 229 p. (In Russian)
28. Ilishev G. Sh. *Bashkirskaya derevnya v pervye poslevoennye gody, 1946—1950* [Bashkir village in the first post-war years, 1946—1950]. Ufa, Bashk. kn. izd-vo Publ., 1988. 163 p. (In Russian)
29. *Istoriya sovetskogo krest'yanstva: v 5 t.* [History of the Soviet peasantry. In 5 volumes]. Vol. 4. Moscow, Nauka Publ., 1988. 499 p. (In Russian)
30. Kodintsev A. Ya. Ugolovnoe sudoproizvodstvo v SSSR v gody voyny [Criminal proceedings in the USSR during the war]. *Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law*, 2012, no. 16, pp. 42—46. (In Russian)
31. Kozlov S. S. O nekotorykh osobennostyakh pravovogo obespecheniya agrarnykh reform v poslevoennyi period v SSSR [On certain peculiarities of legal support of agrarian reforms during post-war period in the USSR]. *Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law*, 2009, no. 16, pp. 36—40. (In Russian)
32. Konyshchev D. N. Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 2 iyunya 1948 g. i ego realizatsiya (na primere Vyatskoi derevni) [Decree of the Presidium of the Supreme Council of the USSR of June 2, 1948 and implementation thereof (on the example of the Vyatka village)]. *Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law*, 2014, no. 19, pp. 44—49. (In Russian)
33. Mints M. M. Levesk Zh. Iznanie i distsiplina: iyun'skaya kampaniya 1948 g. protiv uklonyayushchikhsya ot raboty v kolkhozakh [Lévesque J. Exile and discipline: The June 1948 campaign against collective farm shirkers. Pittsburgh: Carl Beck Papers, 2006. 51 p.]. Article-abstract. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 5, Istoriya. Referativnyi zhurnal*, 2008, no. 3, pp. 109—112. (In Russian)
34. Lomshin V. A., Nad'kin T. D. *Derevnya Mordovii v poslevoennye gody* [The village of Mordovia in the postwar years]. Saransk, Resp. tip. «Krasnyi Oktyabr'» Publ., 2006. 116 p. (In Russian)
35. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Bashkortostan* [National Archive of the Republic of Bashkortostan]. F. 122. Op. 28. D. 22.
36. *Ob'edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Chelyabinskoi oblasti* [Joint State Archive of the Chelyabinsk Region] (OGACHO). F. P-288. Op. 12. D. 162.
37. OGACHO. F. P-288. Op. 12. D. 164.
38. OGACHO. F. P-288. Op. 12. D. 166.
39. OGACHO. F. P-288. Op. 12. D. 194.
40. OGACHO. F. P-288. Op. 12. D. 201.
41. Pikhoya R. G. *Pod znakom Stalina* [Under the sign of Stalin]. Moscow, Rus'-Olimp Publ., St. Petersburg, Piter Publ., 2009. 254 p. (SSSR. Istoriya velikoi imperii). (In Russian)
42. *Politbyuro TsK VKP(b) i Sovet Ministrov SSSR. 1945—1953* [Politburo of the Central Committee of the CPSU(b) and the Council of Ministers of the USSR. 1945—1953]. Moscow, Rosspen Publ., 2002. 654 p. (Dokumenty sovetskoi istorii). (In Russian)
43. Popov V. P. Neizvestnaya initsiativa Khrushcheva (o podgotovke ukaza 1948 g. o vyselenii krest'yan) [Khrushchev's unknown initiative (on the preparation of a decree of 1948 on the eviction of peasants)]. *Otechestvennye arkhivy*, 1993, no. 2, pp. 31—38. (In Russian)
44. *Razvitie sel'skogo khozyaistva SSSR v poslevoennye gody (1946—1970 gg.): sbornik statei* [The development of agriculture in the USSR in the postwar years (1946—1970). A collection of articles]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 384 p. (In Russian)

45. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii [Russian State Archive of Socio-Political History] (RGASPI). F. 17. Op. 122. D. 314.
46. RGASPI. F. 17. Op. 122. D. 315.
47. RGASPI. F. 17. Op. 138. D. 40.
48. RGASPI. F. 17. Op. 138. D. 129.
49. Rogalina N. L. *Vlast' i agrarnye reformy v Rossii XX v.* [Power and agrarian reforms in Russia of the XX century]. Moscow, Entsiklopediya rossiiskikh dereven' Publ., 2010. 230 p. (In Russian)
50. *Sovetskaya derevnya v pervye poslevoennye gody, 1946—1950* [Soviet village in the first post-war years, 1946—1950]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 511 p. (In Russian)
51. Strelkov A. T. Sotsial'naya anomalija v kurskoi derevne (1943—1950 gg.). "Vtoroe raskulachivanie" [Social anomaly in the Kursk village (1943—1950). "Second dispossession"]. *Sobytiya i lyudi v dokumentakh kurskikh arkhivov* [Events and people in documents of the Kursk archives]. 2003, Is. 2, pp. 8—16. (In Russian)
52. Tolmacheva R. P. *Kolkhozy Urala v pervye poslevoennye gody (1946—1950 gg.)* [Collective farms of the Urals in the first post-war years (1946—1950)]. Tomsk, Tomskii un-t Publ., 1979. 220 p. (In Russian)
53. Khasyanov O. R. Praktika realizatsii Ukaza Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 2 iyunya 1948 g. v povolzhskoi derevne [The practice of implementing the Decree of the Presidium of the Supreme Council of the USSR of June 2, 1948 in the Volga village]. *Uspekhi sovremennoi nauki — Modern science success*, 2015, no. 2, pp. 6—10. (In Russian)
54. Khasyanov O. R. "...Ikh nado vygnat' iz sela vmeste s ikh sem'yami...": praktika realizatsii Ukaza Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 2 iyunya 1948 g. v Ul'yanovskoi oblasti v dokumentakh gosudarstvennykh arkhivov ["...They must be driven out of the village together with their families...": practice of implementing the Decree of the Presidium of the Supreme Council of the USSR of June 2, 1948 in the Ulyanovsk Region in documents of state archives]. Ulyanovsk, 2015. 256 p. (In Russian)
55. Khasyanov O. R. *Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo krest'yanstva v poslevoennoe vremya. 1945—1953 gg. (na materialakh Kuibyshevskoi i Ul'yanovskoi oblastei): dis. ... d-ra ist. nauk* [The daily life of the Soviet peasantry in the postwar period. 1945—1953 (based on materials from the Kuibyshev and Ulyanovsk regions). Dr. Dis.]. Samara, 2017. 459 p. (In Russian)
56. Khisamutdinova R. R. Vypolnenie Ukaza Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR "O vyselenii lits, zlostno uklonyayushchikhsya ot trudovoi deyatel'nosti v kolkhozakh i vedushchikh antiobshchestvennykh, paraziticheskikh obraz zhizni" ot 2 iyunya 1948 g. v Chkalovskoi oblasti [Implementation of the Decree of the Presidium of the Supreme Council of the USSR "On the eviction of persons who maliciously shy away from working on collective farms and leading an antisocial, parasitic lifestyle" of June 2, 1948 in the Chkalov region]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University*, 1998, no. 2 (8), pp. 98—106. (In Russian)
57. Khisamutdinova R. R. Antikrest'yanskaya sushchnost' Ukaza Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 2 iyunya 1948 g. i ego osushchestvlenie na Urale [The anti-peasant nature of the Decree of the Presidium of the Supreme Council of the USSR of June 2, 1948 and its implementation in the Urals]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta — Vestnik of the Orenburg State University*, 2002, no. 8, pp. 56—62. (In Russian)
58. Khisamutdinova R. R. *Agrarnaya politika Sovetskogo gosudarstva na Urale posle okonchaniya Velikoi Otechestvennoi voiny (iyun' 1945 — mart 1953 g.)* [The agrarian policy of the Soviet state in the Urals after the end of World War II (June 1945 — March 1953)]. Orenburg, OGPU Publ., 2003. 608 p. (In Russian)
59. *Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsii Sverdlovskoi oblasti* [Documentation Center of Public Organizations of the Sverdlovsk Region]. F. 4. Op. 44. D. 234.
60. *Tsentr al'nyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi respubliki* [Central State Archive of the Udmurt Republic]. F. R-551. Op. 1. D. 88.
61. Chaika E. A. Realizatsiya Ukaza Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 2 iyunya 1948 goda "O vyselenii lits, zlostno uklonyayushchikhsya ot trudovoi deyatel'nosti v kolkhozakh i vedushchikh antiobshchestvennykh, paraziticheskikh obraz zhizni" v Rostovskoi oblasti [Implementation of the Decree of the Presidium of the Supreme Council of the USSR of June 2, 1948 "On the eviction of persons who maliciously shy away from working on collective farms and leading an antisocial, parasitic lifestyle" in the Rostov Region]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' — Historical and social-educational idea*, 2014, no. 5, pp. 204—207. (In Russian)
62. Chernolutskaya E. N. "Ukazniki" na Dal'nem Vostoke (prinuditel'noe vyselenie krest'yan iz kolkhozov v 1948—1950 gg.) [Persons deported by Decree of 1948 in the Far East (forced eviction of peasants from collective farms in 1948—1950)]. *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya RAN — Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2007, no. 3, pp. 102—109. (In Russian)